

Глава 9. Граница

Найти сына покойного друга, и найти в таком состоянии... Цю Чуцзи невольно вздохнул. Видимо, это и была цена его собственной безрассудности.

С того памятного дня прошло десять суток. Всё это время Ваньянь Кан не достаивал его и взглядом. Более того, стража принца вела себя так, словно даоса вовсе не существовало — разумеется, по прямому приказу своего господина.

Теперь, когда Цю Чуцзи знал, что перед ним Ян Кан, он больше не посмел бы причинить юноше вред. Но сам Кан питал к даосу лишь стойкое отвращение, а потому воспользовался ранением как идеальным предлогом, чтобы раз и навсегда провести между ними черту. Тем более что раны и впрямь оказались тяжёлыми.

Кан едва заметно улыбнулся. Если бы не решение начать изучение внутренних техник ради выигрыша во времени, и если бы не бесконечные целебные снадобья, которыми отец-ван пичкал его после каждой простуды, тот удар стал бы для него фатальным.

Но даже при таком везении его меридианы и внутренние органы серьёзно пострадали — восстановиться удалось едва ли на треть. В тот миг Цю Чуцзи действительно жаждал его смерти, бил без тени сомнения и жалости.

«Что ж, — подумал Кан, и улыбка его стала искренней. — Считаю, я заплатил за право быть Ваньянь Каном. Но платить я намерен лишь однажды. Я больше никогда не заставлю отца так волноваться».

— С чего вдруг маленькое Его Высочество в таком добром расположении духа? Ждёте завтрашнего пира? — Фэн заметил эту улыбку.

Обычно, когда князя и княгини не было рядом, Ваньянь Кан редко улыбался так открыто. Фэн не до конца понимал причины, но чувствовал: именно сейчас его господин по-настоящему счастлив.

— Просто кое-что для себя прояснил. Впрочем, завтрашний пир и впрямь обещает быть любопытным, — в голосе Кана проскользнули предвкушение и холодный интерес.

Кульминация этой войны наконец-то началась. Он устремил взор к горизонту, словно пытаясь разглядеть там грядущие потрясения.

— Этого стоит ждать.

— Завтра ты никуда не пойдёшь, — внезапно раздался голос неподалёку.

Ваньянь Кан знал, что Цю Чуцзи крутится поблизости, но не ожидал, что тот осмелится вмешаться в разговор. Юноша недовольно нахмурился и вопросительно взглянул на даоса.

— Это ещё почему?

— Твои раны не затянулись. Тебе нужен покой, — в голосе Цю Чуцзи слышалась неприкрытая, почти навязчивая забота.

Кан ответил лишь вежливой, лишённой тепла улыбкой:

— Кажется, у вас нет права указывать мне, даос.

Действительно, Цю Чуцзи давно утратил это право. И тогда, в оригинальной истории, когда он, не считаясь с чувствами Ваньянь Кана, требовал от него убить приёмного отца, и совсем недавно, когда, не зная правды, нанёс сокрушительный удар.

— Бедный даос... — начал было тот.

— Если память мне не изменяет, именно вы меня и ранили? — Кан прервал его мягко, но решительно. Воспитание не позволяло ему грубить, однако Цю Чуцзи был тем редким исключением, с которым он не желал иметь ничего общего. — Разве вы не должны желать, чтобы мне стало только хуже? А ещё лучше — чтобы я поскорее испустил дух?

— Я никогда не желал тебе смерти!

— Оставим это. Между Цзинь и Сун давняя вражда. Вы — человек Сун, и ваше желание убить меня вполне естественно. В конце концов, я — Ваньянь Кан, наследник князя Чжао государства Великая Цзинь.

Произнося своё имя, он невольно смягчился. Это было его первое открытое заявление после того, как правда всплыла наружу. Ваньянь Кан. Навсегда только Ваньянь Кан.

— Я не виню вас, даос. Но раз уж мы по разные стороны баррикад, прошу вас больше не появляться на моих глазах. Конечно, если вы всё же решите довести начатое до конца и совершить покушение, Фэн и Юэ с радостью вас встретят.

Этот безупречно вежливый ответ оставил Цю Чуцзи в полном бессилии. «Ты не подданный государства Цзинь, ты ханец! Ты потомок верных и благородных воинов! Твоё имя должно напоминать о позоре годов Цзинкан!» — вертелось у него на языке, но он не мог вымолвить ни слова. Сейчас любые объяснения прозвучали бы как жалкая попытка оправдаться.

Ваньянь Кан с удовлетворением отметил произведённый эффект. По правде говоря, он не

держал зла на Цю Чуцзи — тот не был злодеем в привычном смысле слова. Да и прошлая жизнь Лин Юя научила его, что в мире нет ни абсолютно добрых, ни абсолютно злых людей. Но это не мешало ему чувствовать к даосу острую неприязнь.

— Ах да, — добавил Кан, словно вспомнив о пустяке. — Яд, которым я отравил вас в прошлый раз... странно, что он до сих пор не подействовал. Впрочем, время уже на исходе. Вот противоядие, возьмите. Теперь нас больше ничего не связывает.

<http://bllate.org/book/17543/1701871>